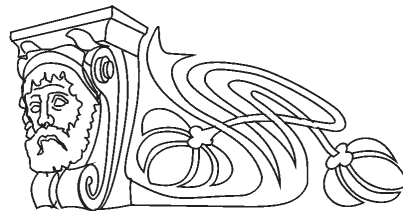

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 135–139
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 135–139
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-135-139>, EDN: HWWVER

Научная статья
УДК 14(430)(09)+929Кант

Что «всеобщего» во «всеобщем законе»? Этика И. Канта как наследие андроцентристской традиции и основание справедливого сообщества

Т. А. Кострицкая

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Кострицкая Таиса Андреевна, кандидат философских наук, ассистент кафедры социальной философии, taisakostrikskaya@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5168-149X>

Аннотация. Введение. И. Кант представляет собой в высшей степени актуального мыслителя, поэтому исследование его философии на предмет андроцентризма способно высветить основания этических противоречий, характерных и для современной эпохи. Цель исследования – определить в какой степени причастность андроцентристской традиции обусловила этику И. Канта и ответить на вопрос о том, может ли она все еще служить основанием универсальной рациональной теории справедливого общества.

Теоретический анализ. В результате анализа проявлений андроцентризма в обосновании и применении И. Кантом категорического императива было обнаружено, что философ воспроизводит раскол действительности на два мира, в результате которого конкретные человеческие взаимоотношения оказываются незначимыми для конституирования сообщества автономных индивидов. Иллюзия их автономии покоится на исключении из сообщества тех, от кого они зависят в своей жизнедеятельности. Однако это исключение, будучи сопряжено с логическими противоречиями, оказалось возможным потому, что императив необходимо заключает в себе имплицитный идеал общественного устройства. **Заключение.** Трансформация этого идеала необходима для развития этики должностования, изначально направленной на утверждение лучшей действительности, и достижения ею подлинной всеобщности.

Ключевые слова: категорический императив, андроцентризм, публичное, приватное, этика заботы, деонтология

Благодарности. Исследование выполнено при грантовой поддержке Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Факультет гуманитарных и социальных наук) в рамках инициативного проекта НИР «Идеологический капитал как новый “перформанс” идеологии в современном российском обществе» № 100941-0-000.

Для цитирования: Кострицкая Т. А. Что «всеобщего» во «всеобщем законе»? Этика И. Канта как наследие андроцентристской традиции и основание справедливого сообщества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 135–139. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-135-139>, EDN: HWWVER

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

What is “universal” in the “universal law”? I. Kant’s ethics as a legacy of the androcentric tradition and the foundation of a just community

T. A. Kostrikskaya

Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Taisa A. Kostrikskaya, taisakostrikskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5168-149X>

Abstract. Introduction. I. Kant is a highly relevant thinker, therefore, a study of his philosophy on the subject of androcentrism is able to highlight the foundations of the modern era ethical contradictions. The purpose of the study is to find out to what extent the involvement of the androcentric tradition determined the ethics of I. Kant and to answer the question of whether it can still serve as the basis for a universal rational theory of a just society. **Theoretical analysis.** As a result of the analysis of the manifestations of androcentrism in the justification and application of the categorical imperative by Kant it has been discovered that the philosopher reproduces the split of reality into two worlds, as a result of which specific human relationships turn out to be insignificant for the constitution of a community of autonomous individuals. The illusion of their autonomy rests on the exclusion from the community of those on whom they depend for their lives. However, this exception, being fraught with logical contradictions, turned out to be possible because the imperative necessarily implies an implicit ideal of a social structure. **Conclusion.** The transformation of this ideal is necessary for the development of duty ethics, which is initially aimed at affirming a better reality and achieving its true universality.

Keywords: categorical imperative, androcentrism, public, private, ethics of care, deontology

Acknowledgements: This research was supported by a grant from Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Faculty of Humanities and Social Sciences) as part of the funded R&D project "Ideological Capital as a New 'Performance' of Ideology in Modern Russian Society" No. 100941-0-000.

For citation: Kostritskaya T. A. What is "universal" in the "universal law"? I. Kant's ethics as a legacy of the androcentric tradition and the foundation of a just community. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 135–139 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2026-26-2-135-139>, EDN: HWWVER

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Андроцентризм присутствует в философской традиции, в значительной степени определяя ее основания и служа препятствием на пути схватывания всеобщего, поэтому этика Канта, развиваемая в рамках этой традиции и кладущая в свое основание всеобщий закон, заслуживает особенного внимания с перспективы критики андроцентризма.

В настоящее время остается неразрешенным конфликт между релятивистскими и отстаиваемыми абстрактными принципами этическими концепциями [1], а также противостояние между «беспристрастной моралью» и этикой заботы (С. Gilligan, V. Held [2, 3]; апологию И. Канта в этом отношении можно найти в работах М. Baron, С. Stark, М. Bramer, S. Sedgwick [4–7] и др.). Обращение к концепции И. Канта, являющегося представителем морального универсализма, представляется особенно важным для преодоления противоречий, лежащих в основе этих дискуссий. Тем более, что андроцентризм и такие его проявления, как абстрагирование с идеализацией (О. О'Нил), лежат у истоков этих противоречий.

И. Кант является частью андроцентристской традиции, но в какой степени эта традиция обусловила видение им всеобщего закона и императива, предписывающего следование ему? Что остается от нравственного закона, если убрать все то, что укоренено в характерных особенностях андроцентристской идеологии? Подходит ли оставшееся для построения универсальной рациональной неандроцентристской этики? Ответы на эти вопросы и являются целью настоящего исследования. В основе его методологии лежит сопоставление обоснования и применения категорического императива И. Кантом с патриархатными кодами, определяющими специфику андроцентристской традиции¹.

¹ Для подробного анализа андроцентристской традиции с перспективы лежащих в ее основе патриархатных кодов см.: *Кострицкая Т. А.* Андроцентристские теории общества: социально-философская реконструкция : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2023. 254 с.

Теоретический анализ

В отношении категорического императива самыми важными для обозначенных вопросов представляются два аспекта: его обоснование и практическое применение самим И. Кантом.

Первое в целом укоренено в специфике андроцентристской традиции. В ее основе лежит патриархатная концепция рождения, присваивающая женскую способность рождения мужчинам. Она присутствует как в западной, так и в восточной мысли, но именно первой принадлежит главный инструмент ее рационального утверждения: раскол действительности на два мира, которым она обязана Платону. Мир совершенный и несовершенный, материальный, его копия, представляющую собой лишь видимость. Именно на эту традицию опирался Кант, конструируя разум как таковой посредством воссоздания дихотомии двух миров, в его версии: мира интеллигибельного и чувственно-воспринимаемого. Первый при этом определяется в основном негативно: законы разума являются таковыми, потому что доходят до сознания непосредственно, а не через органы чувств [8, с. 231]. Желания и стремления при этом являются частью чувственно-воспринимаемого мира: разум может вызывать желание, заставляющее следовать категорическому императиву [9, с. 242], но это односторонняя связь. Хорошие поступки, совершенные благодаря желанию, случайны и не имеют моральной ценности. Разум автономен именно потому, что не зависит от природы, представленной царством необходимости, в котором нет места свободе.

Хельга Варден отмечает, что в соответствии с видением Канта мы «развиваем, трансформируем и интегрируем нашу животную и человеческую природу посредством саморефлексии: мы учимся чувствовать, описывать и развивать наши эмоциональные переживания, а также рационально выбирать собственные цели в сочетании с этими переживаниями» [10, р. 390]. Действительно, «животная» часть человеческой природы в концепции Канта не изолирована и

не отделена от человеческой, но развивается в единстве с последней. Однако фундаментальность данного противопоставления отчасти предопределяет низкую оценку кантовской этикой межличностных взаимоотношений: не личный опыт человеческих отношений объединяет людей, а причастность к универсальному разуму каждого в отдельности.

Именно эта оценка является главным объектом критики И. Канта этикой заботы. Однако важно отметить, что этика Канта вполне допускает, как доказывает М. Вример [6], интерпретацию отношений между людьми как морально значимых (особенно это касается формулировки императива о человеке как цели). Тем не менее, в самом ее основании лежит безусловная ценность одной личности, а точнее, ее рационального «Я». Расколотый мир раскалывает и человека. Все то, что делает человеческое общество обществом, т.е. конкретные связи между людьми, не входит в интеллигибельный мир и не является частью основания морали. Это мораль «изолированного индивида», связанного с другими через общий тождественный интерес, а не живые человеческие отношения.

Границы практического применения нравственного закона наглядно демонстрирует сам И. Кант. Несмотря на то, что в упоминаемом выше противостоянии философ представляет сторону «беспристрастной морали», он показывает отсутствие беспристрастности, когда в духе самого банального андроцентризма мыслит человечество как совокупность мужчин. Одним из самых поверхностных свидетельств тому является определение человека как «гражданина мира» [11, с. 139] с одновременным исключением женщин из граждан [12, с. 182]. Женщины исключены и должны подчиняться мужчинам, потому что не способны следовать «всеобщему» закону в силу склонностей. Сам Кант пишет о том, что некоторые женщины хотели бы быть мужчинами, потому что желают свободы (точнее, их «склонности» имели бы в этом случае больше свободы), но ни один мужчина не хотел бы быть женщиной [11, с. 345–346]. Эта непоследовательность очевидна и может говорить даже в пользу категорического императива при условии признания ее как таковой. Не удивительно, что именно в этом русле развивалась аргументация сторонниц и сторонников всеобщих гражданских прав (Олимпия де Гуж, Теодор Готтлиб фон Гиппель). Важным здесь является

скудное обоснование неравенства в форме двойных стандартов, которому категорический императив никак не воспрепятствовал потому, что не определяет содержание «всеобщего» и «человечества».

Однако в свете исследований договорных оснований современного либерального общества [13] вышеописанное предстает куда большим, нежели предвзятостью. Т. Сан указывает на то, что одной из главных претензий этики заботы к кантовской деонтологии является слишком большое значение, придаваемое разуму и *единству* в сравнении с социальным и эмоциональным компонентами морали [14, р. 1203]. Единство является крайне значимым для патриархатной публичной сферы, которая образует сообщество, господствующее над теми, кто из него исключен. От успеха процесса исключения зависит благосостояние всего гражданского «братства». Ложь плоха не просто потому, что вредит доверию, но потому, что без доверия невозможно единство, являющееся основой сообщества граждан. Для Канта как для договорного теоретика утрата единства и доверия среди граждан недопустима, поэтому его собственное применение категорического императива абсолютно последовательно. Исключенные же, будучи разобщены и заключены в приватные сферы граждан, никак не заинтересованы в единстве этого сообщества, поэтому они не будут следовать «всеобщему» закону гражданского братства.

Конечно, И. Кант сохраняет противоречие «сексуального договора» (К. Пейтмэн), характерное для всех договорных теоретиков, а именно логическое противоречие между утверждением о том, что женщины лишены способностей, необходимых для заключения договоров, но при этом могут заключать брачный договор. Тем самым одновременно признается и отрицается то, что женщины являются личностями [13, р. 168]. Это говорит в пользу категорического императива, который обнаруживает построения самого Канта как противоречащие его морали.

Тем не менее, критерий логического противоречия оставляет весьма большой разброс в отношении конкретного поступка. Т. Сан [14, р. 1204] приводит пример врача, вынужденного принимать решения за пациента, который не может сделать это самостоятельно, указывая на то, что этика заботы в этой ситуации призывает

ет обратить внимание на окружение пациента и его психологическое состояние. Последнее вполне соответствует и логике категорического императива, однако отношение, не учитывающее ни того, ни другого, тоже может ей соответствовать, не порождая при этом логических противоречий.

Критика этики заботы обращает внимание на то, что акцент кантианской этики на нейтральности может привести к игнорированию дискриминации исторически исключенных из моральной теории групп. Однако в данном отношении, как показывает О. О'Neill, проблема заключается в отсутствии подлинной нейтральности, которая подменяется абстрагированием с идеализацией [1, р. 446], когда под индивидами мыслятся, скажем, автономные «граждане мира», а не все люди. Прочтение Канта без такого абстрагирования и обнаруживает противоречие сексуального договора в его теории.

Вышесказанное говорит о том, что всеобщий закон все еще может служить направляющим лучом для моральной теории. Однако сам по себе он недостаточен для понимания того, что представляет собой «всеобщее»: императив всегда действует в совокупности с имплицитными представлениями о том, каким должно быть общество.

Категорический императив вовсе не исключает значимость любви и сострадания: ничто не мешает поставить их на место «братского» договора, сохранив при этом критерий согласованности, хотя и не в форме единства. Так, можно признать любовь и сострадание универсальными ценностями, поскольку те, кто их не разделяют, вредны для сообщества, основанного на межличностных связях, а не иерархии. В этом случае поступать нужно будет так, как было бы нормой поступать именно в такого рода обществе. И в этом случае имело бы место раскрытие всех достоинств этики должностования: этики, которая требует действия, направленного на утверждение лучшей действительности. Всеобщее в таком случае оказывается не тождественным у всех граждан разумом, но тем, что соединяет всех воедино, в единое сообщество. Сообщество, в которое оказываются включены даже те, кто не разделяют универсальных ценностей, поскольку это не является основанием для лишения «мирового» гражданства.

Разум вовсе не должен быть отделен от чувственно-воспринимаемого мира, различные типы рациональности возможны именно потому, что такое разделение неосуществимо. Однако это не означает, что вместе с тем он не может заключать в себе универсальные черты, в конце концов факт человеческой взаимозависимости также универсален, в отличие от кажущейся автономии идеализированного индивида. А то что исключение Кантом из граждан женщин противоречит его же императиву, говорит о том, что ориентация на всеобщее действительно может служить ориентиром этической теории, включающей всех на одних и тех же основаниях.

Заключение

Таким образом, вызванные андроцентризмом черты категорического императива, хотя и укоренены в самых основаниях философии И. Канта, вовсе не являются настолько непреодолимыми, насколько это может показаться с перспективы этики заботы. Императив сам по себе не исключает эмоциональные привязанности, заботу и сострадание и потому, будучи поставлен на отличной от оригинальной почве, может послужить основанием подлинно универсальной этики, направленной на утверждение лучшего общества.

Список литературы

1. O'Neill O. Justice, gender and international boundaries // *British Journal of Political Science*. 1990. Vol. 2, iss. 4. P. 439–459. <https://doi.org/10.1017/S0007123400005937>
2. Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 2003. 184 p.
3. Held V. The Ethics of Care: Personal, Political, and Global. New York : Oxford University Press, 2006. 211 p.
4. Baron M. Kantian ethics almost without apology. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1995. 264 p.
5. Stark C. Decision procedures, standards of rightness, and impartiality // *Noûs*. 1997. Vol. 31, № 4. P. 478–495. URL: <https://www.jstor.org/stable/2216169>
6. Bramer M. The importance of personal relationships in Kantian moral theory: A reply to care Ethics // *Hypatia*. 2010. Vol. 25, iss. 1. P. 121–139. <https://doi.org/10.1111/J.1527-2001.2009.01087.X>
7. Sedgwick S. Can Kant's Ethics survive the feminist critique? // *Feminist Interpretations of Immanuel Kant* / ed. by R. M. Schott. University Park : Pennsylvania State University Press, 1997. P. 77–100.

8. Кант И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. Основоположения метафизики нравов. М. : ЧОРО, 1994. 629 с.
9. Кант И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 3. Критика чистого разума. М. : ЧОРО, 1994. 741 с.
10. Varden H. Kant on universality and accommodating differences (religious, racial, sexual, gendered) // *The Kantian Mind* / ed. by S. Baiasu, M. Timmons. London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2024. P. 387–397.
11. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966. С. 349–587.
12. Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М. : ЧОРО, 1994. С. 158–204.
13. Pateman C. *The Sexual Contract*. Stanford : Stanford University Press, 1988. 264 p.
14. Sun T. Feminist ethics: Reinterpreting Kantian deontology through gender perspectives // *International Journal of Religion*. 2024. Vol. 5, № 10. P. 5199–5210. <https://doi.org/10.61707/0j319h23>
5. Stark C. Decision procedures, standards of rightness, and impartiality. *Nous*, 1997, vol. 31, no. 4, pp. 478–495. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2216169>
6. Bramer M. The importance of personal relationships in Kantian moral theory: A reply to care Ethics. *Hypatia*, 2010, vol. 25, iss. 1, pp. 121–139. <https://doi.org/10.1111/J.1527-2001.2009.01087.X>
7. Sedgwick S. Can Kant's Ethics survive the feminist critique? In: Schott R. M., ed. *Feminist Interpretations of Immanuel Kant*. University Park, Pennsylvania State University Press, 1997, pp. 77–100.
8. Kant I. *Sobr. soch.: v 8 t. T. 4. Osnovopolozheniya metafiziki nravov* [Collected Works: in 8 vols. Vol. 4. Fundamentals of Moral Metaphysics]. Moscow, ChORO, 1994. 629 p. (in Russian).
9. Kant I. *Sobr. soch.: v 8 t. T. 3. Kritika chistogo razuma* [Collected Works: in 8 vols. Vol. 3. Criticism of pure reason]. Moscow, ChORO, 1994. 741 p. (in Russian).
10. Varden H. Kant on universality and accommodating differences (religious, racial, sexual, gendered). In: Baiasu S., Timmons M., eds. *The Kantian Mind*. London, New York, Routledge, Taylor & Francis Group, 2024, pp. 387–397.
11. Kant I. Anthropology from a pragmatic point of view. In: *Soch. v 6 t.* [Works: in 6 vols.]. Moscow, Mysl', 1966, vol. 6, pp. 349–587 (in Russian).
12. Kant I. On the Common Saying: That May Be True in Theory, but It Is of No Use in Practice. In: *Sobr. soch.: v 8 t. T. 8* [Collected Works: in 8 vols. Vol. 8]. Moscow, ChORO, 1994, pp. 158–204 (in Russian).
13. Pateman C. *The Sexual Contract*. Stanford, Stanford University Press, 1988. 264 p.
14. Sun T. Feminist ethics: Reinterpreting Kantian deontology through gender perspectives. *International Journal of Religion*, 2024, vol. 5, no. 10, pp. 5199–5210. <https://doi.org/10.61707/0j319h23>

References

Поступила в редакцию 09.08.2025; одобрена после рецензирования 06.09.2025; принята к публикации 12.03.2026
 The article was submitted 09.08.2025; approved after reviewing 06.09.2025; accepted for publication 12.03.2026